

К. П. Победоносцев

Ученье и учитель

Педагогические заметки

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
К11

К11 **К. П. Победоносцев**
Ученье и учитель: Педагогические заметки / К. П. Победоносцев – М.: Книга
по Требованию, 2021. – 118 с.

ISBN 978-5-518-00222-7

ISBN 978-5-518-00222-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

за интонаціей чтенія: она должна быть такова, чтобы видно было, что читающій понимаетъ смыслъ фразы и желаетъ сдѣлать его для другихъ понятнымъ. И надобно, чтобы ученикъ самъ добрался до этого пониманія: если учитель *начнетъ* съ того, что самъ прочтетъ фразу, повтореніе ея учениками будетъ лишь подражаніемъ, и большею частію плохимъ подражаніемъ. Когда закончатся ученическіе опыты чтенія, тогда только полезно будетъ учителю прочесть предъ учениками ту же фразу, надъ которою они трудились, *по книгѣ*. Иное дѣло, если въ свободную минуту, когда предъ глазами у дѣтей нѣтъ книги,—учитель прочтетъ имъ *вз слухъ* ихъ, безъ наглядности, фразу, совсѣмъ для нихъ новую, чтобы показать имъ, какъ слухъ долженъ руководствовать чтеніемъ. Чтеніе только по книгѣ будетъ, и у иныхъ остается на всю жизнь, механическимъ, безжизненнымъ: работаетъ глазъ, а мысль не работаетъ. Необходимо, чтобы она работала и управляла чтеніемъ. Тогда и всякое удареніе тона будетъ правильное, на своемъ мѣстѣ, тамъ, гдѣ оказывается, такъ сказать, *ключъ* смысла цѣлой фразы.

Нельзя похвалить обычай массоваго чтенія, когда дѣтей заставляютъ разомъ всѣхъ вмѣстѣ

произносить читаемое. Это нестройное чтение смѣшанными голосами ни къ чему не служитъ, ни чѣмъ не возбуждаетъ вниманіе учителя и нестройностію звука непріятно поражаетъ слухъ.

На каждой ступени школьной жизни продолжается, и еще возрастаетъ, важное значеніе *чтенія въ слухъ*. Нужно оно во-первыхъ для того, чтобы не утрачивалась, а укрѣплялась привычка къ чтенію внятному, выразительному, разумному. Человѣкъ призванъ дѣйствовать словомъ, а для этой работы, какъ для всякой другой, нужно исправное, усовершенствованное орудіе. Притомъ безспорно ясность *рѣчи* состоитъ въ связи и съ ясностію *мысли*: одно другому соответствуетъ.

Въ школьной педагогії недостаточно еще цѣнится великая важность произношенія и чтенія. На каждой стадіи школьнаго развитія оно пріобрѣтаетъ новое значеніе, пока достигнетъ степени художественнаго. Въ этомъ смыслѣ чтеніе становится само по себѣ свободною школою грамматики, правописанія, пунктуаціи, и лучшимъ орудіемъ для развитія вкуса и въ литературѣ и въ письменномъ изложеніи мыслей. Осмысленное, выразительное чтеніе лучшихъ литературныхъ произведеній, особливо поэтическихъ стихотвореній, оставляетъ на цѣлую

жизнь дорогія впечатлѣнія, образующія вкусъ художественный. Разумно руководимое чтеніе— полубезсознательно, полусознательно— подготавливаетъ почву для воспринятія правилъ грамматики и стила, которыя безъ этой подготовки являлись бы лишь мучительнымъ бременемъ для памяти. Всякое твореніе, истинно художественное, въ области слова, пишется и должно писаться помощію не мысли только и зрѣнія, но и помощію слуха: безъ участія слуха не можетъ быть въ немъ той гармоніи слова, которая удовлетворительна для вкуса истинно художественнаго.

Учитель ошибается, если думаетъ, что все дѣло его содержится въ урочныхъ часахъ преподаванія въ классѣ. Много важнѣе между-урочные и послѣ-урочные часы занятій съ дѣтьми: здѣсь собирается богатый матеріаль для оживленія интереса, для возбужденія мысли и воображенія, для сообщенія понятій и свѣдѣній, здѣсь прямое средство духовнаго и душевнаго общенія учителя съ дѣтьми и залогъ сердечной и умственной привязанности дѣтей къ школѣ и къ учителю.

При самомъ началѣ дѣла, не воображай, что всего важнѣе метода обученія. Всего важнѣе—

въ самомъ началѣ—сознаніе своего долга и вѣрность ему. Въ самомъ началѣ помни: надо вставать рано, надо готовиться къ уроку, поправлять тетрадки учениковъ тщательно, не утягивать ни минуты изъ урочнаго часа.

Если хочешь, чтобы классъ твой былъ спокоенъ и внимателенъ, будь спокоенъ и внимателенъ самъ,—спокоенъ прежде всего во внѣшнихъ приѣмахъ. Молодой конь чуетъ неопытнаго, неувѣреннаго въ себѣ сѣдока, и начинаетъ шалить и брыкаться.

Надо тебѣ знать cadaго изъ учениковъ по имени, и по имени звать его. Плохой, равнодушный учитель безъимянно *тыкаетъ* своихъ учениковъ. Въ доброй школѣ я видѣлъ добраго учителя, какъ онъ звалъ дѣтей безъ фамиліи, по именамъ: «Ваня, Сеня, Саша».

Не забывай никогда, что у тебя въ классѣ дѣти: старайся быть *юнъ* съ ними,—и они это почувствуютъ.

Когда ученикъ читаетъ стихотвореніе, не вмѣшивайся въ чтеніе, не перерывай его объясненіемъ, кто такой Олегъ, кто Печенѣги. Пусть

дочтеть до конца—тогда можешь давать ему реальные объясненія.

Не будь рабомъ методы, когда надо задавать вопросы ученику. Когда ты его знаешь и глаза твои на него открыты, онъ самъ тебѣ подскажетъ, о чемъ спрашивать.

Если для исторіи литературы станешь руководствоваться однимъ учебникомъ, не будетъ толку. Дай ученику прочесть стихотвореніе поэта—научи его прочесть какъ слѣдуетъ—и тогда легко будетъ тебѣ объяснить, а ему понять, кто былъ писатель и что онъ значить.

Когда поправляешь тетради, будь терпѣливъ и внимателенъ: не ожидай и не требуй всего заразъ и отъ каждаго одинаково. Думай, до чего въ данную минуту можетъ быть способна голова ученика твоего: чего не поняла сегодня, можетъ понять завтра—не порти ему радость самосознанія, когда видишь, что онъ старается понять и работаетъ головою.

Не сомнѣвайся въ успѣхѣ, когда дѣлаешь дѣло свое съ мыслью, что оно не должно быть бесплодно, и работаешь съ крѣпкою волей, чтобъ ученикъ подлинно отъ тебя научился.

Приходится бороться съ лѣнью и равнодушіемъ. Но помни, что каждое внушеніе и наказаніе должно быть дѣйственно. Не затрачивай сразу всю его силу. Иногда довольно взгляда, довольно движенія. Когда это не достаточно—дѣйствуетъ слово. Но гдѣ довольно одного слова, берегись многословія.

Не раздражайся мелочами и не придавай имъ значенія. Шалунъ нарисовалъ на столѣ твою фигуру, да еще подписалъ. Что тебѣ дѣлать? Спокойно сотри ее или вели стереть сосѣду. Бѣда, если разсердишься, да еще станешь разслѣдывать. Тогда примѣръ станетъ заразителенъ.

Когда сидишь въ классѣ и видишь передъ собою 30 ребятъ, не забывай, что и ты, когда-то былъ совершенно такой же.

И тоже помни: чего требуешь отъ cadaго изъ учениковъ своихъ—и послѣдняго и перваго,—то самъ ты долженъ умѣть дѣлать. И такъ, всякую работу, какую задаешь имъ, ты долженъ сначала умѣть продѣлать самъ какъ можно лучше. Въ этомъ *правда*, а безъ *правды*—какое учительство!

Я зналъ учителя, котораго любили и боялись—потому что вѣрили ему, и онъ былъ въ себѣ увѣренъ. Онъ не усумнился разъ сказать ученикамъ: «вотъ вы сдѣлали переводъ правильно, а я ошибся и былъ неправъ». Дѣти чувствуютъ правду.

Въ словесномъ упражненіи первое дѣло, чтобъ работа была сдѣлана со стараніемъ, какъ можно лучше, какъ только способенъ сдѣлать ученикъ. Что такое знаніе? Древніе говорили, что добродѣтель есть знаніе. Мы скажемъ, что добросовѣстность въ дѣлѣ есть знаніе. Въ чемъ главный смыслъ твоего учительства? Въ томъ, что ты ведешь учениковъ къ возможной полнотѣ работы и тѣмъ возбуждаешь въ нихъ стремленіе къ *совершенству*.

Будь естественъ: говорить надобно такъ, чтобъ ясно понимали тѣ, кому говоришь. И такъ, когда говоришь, не отъ себя исходи, не о себѣ думай, а о тѣхъ, кому говоришь. Въ нихъ жизнь движется: надобно имъ слышать живое слово.

Берегись употреблять отвлеченныя фразы, берегись нанизывать правило на правило. Дорога, вымощенная отвлеченностями да правилами, ведетъ къ отупѣнію и отводитъ отъ жизни.

Учитель пусть помнитъ, что онъ дѣлаетъ великое дѣло, которое нельзя дѣлать съ *небреженіемъ*.

Стоило бы, напримѣръ, каждому учителю записать себѣ на память: 1) Учитель, когда кланяется ему ученикъ, не оставляетъ поклонъ безъ отвѣтнаго знака. 2) Не долженъ учитель сидѣть на своемъ мѣстѣ разгильдяемъ и облокотясь руками на столъ. 3) Ни ученикъ передъ нимъ, ни онъ передъ ученикомъ не стоитъ, держа руки въ карманахъ. 4) Учитель никакъ не опаздываетъ, и послѣднимъ выходитъ изъ класса

Когда слышишь нашихъ ученыхъ педагоговъ,—они, кажется, думаютъ, что ихъ научныя правила даютъ имъ въ руки универсальное средство сдѣлать что угодно съ живымъ матеріаломъ, который дается въ руки учителю. Точно въ рукахъ у него мягкій воскъ, изъ котораго человѣкъ, обладающій техникой, можетъ лѣпить какія угодно фигуры. Къ счастью не то выходитъ на дѣлѣ, и эта техника сама по себѣ оказывается мертвящею буквой. Педагоги эти не понимаютъ, что каждый классъ изъ 20, 30, 40 дѣтей есть живое существо, живущее своею жизнью, имѣющее свою душу, и что въ эту душу учителю предстоитъ проникнуть.

Когда судятъ о человѣкѣ, надобно отыскивать въ немъ не одну лишь отрицательную сторону, а прежде всего положительную: мы скорѣе замѣчаемъ, чего нѣтъ въ человѣкѣ, нежели что есть въ немъ. А что есть, это всего важнѣе.

Такъ, обсуждая ученическія работы, мы гоняемся за ошибками и ихъ отмѣчаемъ. Этого мало и эта мѣрка неправая. Надо умѣть смотреть внутрь, сквозь ошибки. Кто умѣетъ, видитъ сквозь ошибки, къ чему способенъ ученикъ, что умѣетъ, что можетъ дальше въ немъ вырости. Итакъ, напрасно думаетъ начальникъ, что, обозрѣвъ множество тетрадокъ, по счету отмѣченныхъ ошибокъ, получить онъ понятіе о цѣломъ классѣ и о способностяхъ cadaго ученика.

Одни наставленія и выговоры плохо дѣйствуютъ, если ученикъ не привыкъ видѣть въ учителѣ живой образъ умѣнья, старанія, добросовѣстности,—и уважать его. Когда ученикъ *боится* учителя въ нравственномъ смыслѣ этого слова, одинъ взглядъ, одно слово учителя будитъ ученика, стыдитъ, ободряетъ, оживляетъ, руководствуетъ.

Когда работа употребляется въ школѣ въ видѣ наказанія,—это плохой показатель: зна-

чить, работа мало цѣнится, или сама по себѣ считается тяжкимъ и скучнымъ дѣломъ.

Есть методическіе лабиринты, въ которыхъ только опытный и разумный учитель можетъ найти себѣ входъ и выходъ, а неразумный и начинающій путается безъ исхода. Таковъ лабиринтъ прославляемаго «*объяснительнаго чтенія*». Разъигрываясь на этомъ широкомъ полѣ, фантазія учителя можетъ довести ученика до отупѣнія, прерывая мысль его въ чтеніи на каждомъ шагу и сбивая его съ толку вопросами и внушеніями. Чтеніе какой нибудь басни превращается у иного учителя въ урокъ *de omni re scibili et quibusdam aliis*: точно входитъ онъ въ лѣсъ и спотыкается на каждомъ кустикѣ и деревѣ, забывая совсѣмъ о существенномъ предметѣ урока. Неразумные поклонники этого метода, развивая его, любятъ составлять примѣрные уроки длинныхъ объяснительныхъ чтеній; служа образцами, эти уроки вводятъ одного слѣпца за другимъ въ яму, изъ которой не найдешь выхода.

Учитель! учитель! подумай—нѣтъ науки, которую нельзя было бы обратить въ орудіе мученій для «*малыхъ сихъ*», состоящихъ подъ твоей